

*И.А. БИЛИБИНА, аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков и истории зарубежной литературы
Орловского государственного университета
Тел. 89065712962; Inche3@yandex.ru*

ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «14 ДЕКАБРЯ»

Целью данного исследования является рассмотрение одной из центральных проблем историософской концепции Д.С. Мережковского — проблемы самодержавия в романе «14 декабря», заключительной части трилогии «Царство Зверя». Несостоятельность единовластия как формы правления, ее нежизнеспособность автор раскрывает через образы придворных и образы двух великих князей — Константина и Николая, уделяя последнему, как новому самодержцу, особое внимание в романе.

Ключевые слова: *Д.С. Мережковский, историософская концепция, проблема самодержавия, «14 декабря», образ царя Николая I.*

Порубежная эпоха XX–XXI веков — один из самых сложных, противоречивых периодов как в истории, так и в русской литературе. В России в этот период происходят крупные исторические события. Страна переживает три революции, две войны. Эти события приводят к разлому не только в плане политическом, экономическом, но, что наиболее важно, в плане духовном, нравственном, меняется общественное сознание людей.

Такая эпоха сформировала «...новый тип художественного мышления...» [6, 15]. Социальные изменения вызвали двойной резонанс в литературе. С одной стороны, творческой интеллигенции этого периода присущи упаднические настроения, а с другой — этот период является «своеобразным эстетико-философским ренессансом» [8, 8]. Катастрофическое положение страны заставило задуматься многих писателей, поэтов о дальнейшей судьбе русского народа, России и всего человечества в целом. Они через творчество пытаются выразить свое понимание происходящих в истории событий, свой взгляд на историю. По справедливому замечанию исследователя Н.А. Царёвой, «предчувствуя наступление событий исторического значения, ощущая биение подспудных сил истории и не умея дать им исторического объяснения, символисты создавали мистико-эсхатологические концепции...» [7, 54].

Д.С. Мережковский наряду с другими писателями пытался по-своему осмыслить события истории. Одной из центральных проблем его историософской концепции была проблема самодержавия, критика которой особенно остро зазвучала в романе «14 декабря» — заключительной части трилогии «Царство Зверя», во время написания которой (в период между революциями 1905 и 1917 годов) мировоззрение Мережковского претерпевает изменения. От мысли о том, что самодержавие способствует воцарению Вселенской Церкви на земле, писатель приходит к осознанию заключенной в ней «демонической» сущности, поскольку, по мнению Т.И. Дроновой, нравственно-философские размышления писателя в эти годы касаются прежде всего вопросов о будущем России, и «одновременно обостряется его интерес к политике, к центральному конфликту российской действительности между самодержавием и революцией» [4, 113]. По мнению Мережковского, «...русская монархия — узаконенное беззаконие, застывший террор, обледенелая анархия...» [1, 348], и все «непотребства» самодержавной власти поддерживаются Православной церковью, поскольку сам царь стал «главою церкви», «крайним судьей» церковных дел. Царь может яв-

ляться самозванцем. Причины этому писатель видит, во-первых, в том, что он не оправдывает надежды народа на царя-Мессию, во-вторых, помазание на царство совершает сам царь, а не церковь, как это должно быть. По Мережковскому, в послепетровскую эпоху Антихрист побеждает, Россия становится царством Зверя, «и нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным, как именно здесь, в русском самодержавии» [1, 330].

В романе «14 декабря» Мережковский показывает самодержавие полностью несостоятельной формой правления. Символично то, что действие романа начинается после смерти императора Александра I, и в России уже почти месяц нет царя, а между тем, как заметил обер-камергер Алексей Львович Нарышкин, «...все идет так же ладно или так же неладно, как прежде!» [2, 22]. Автор несколько раз обращает внимание на мнение придворных, что отречение Константина в пользу Николая, а затем наоборот — все это «домашние сделки», «игра законным наследием престола как частною собственностью» [2, 29], а ведь решается судьба народа, России.

Чтобы глубже раскрыть суть самодержавия, Мережковский уже в начале романа дает свою оценку обоим наследникам российского престола. Хотя Константин не появляется ни разу на страницах романа, писатель раскрывает его образ с помощью пространного описания, которое характеризует великого князя не с лучшей стороны: «Курнос, как Павел I; большие мутно-голубые глаза навывкате; насупленные брови, торчащие густыми пучками белобрысых волос; такие же волосы на переносице; в минуты гнева вздымались они, щетинились; руки длинные, ниже колен, как обезьяньи лапы: казалось, мог ходить на четвереньках. И весь был похож на обезьяну, огромную, человекоподобную» [2, 18]. Чтобы характеристика Константина была более полной, Мережковский приводит отзыв бабушки, императрицы Екатерины Великой «...на бесчинное и бесчестное поведение внука: «Везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибудут. Не понимаю, откуда в нем вселился такой подлый санкюлотизм, пред всеми унижающий» [2, 18]. Приближенные Константина называли его «деспотическим вихрем» [2, 19]. Мережковский, характеризуя его, приводит эпизод очень жестокого избиения им лошади за то, что та испугалась на смотру. Автор замечает, если великий князь станет царем, то такой же «лошадью будет Россия, а Константин — бешеным всадником» [2, 19].

Здесь же Мережковский дает краткую характеристику другого возможного наследника престола — Николая. Писатель указывает на то, что великого князя не готовили к престолу, и обращает особенное внимание на его увлечение всем, что связано с военным делом: «Мальчик, прежде чем научился ходить, бил в барабан и махал игрушечной сабелькой. А когда подрос, вскакивал с постели по ночам, чтобы постоять с ружьем. Никогда ничего не хотел знать, кроме солдатиков» [2, 19]. О нем говорили, что он «бешен, как Павел, и злопамятен, как Александр» [2, 20]. Автор также отмечает ум великого князя: «... но ума-то его и боялись пуще всего: чем умнее, тем злее» [2, 20].

В конце главы Мережковский делает заключение по поводу характеров обоих возможных наследников российского престола: «Константин — зверь, а Николай — машина» и задает риторический вопрос, обличающий самодержавие: «Что лучше, машина или зверь?» [2, 20]. Таким образом писатель подчеркивает зависимость русского народа, всей России от воли людей, далеких от идеала гуманного правителя, лишенных высоких нравственных качеств, а значит, обреченность на несвободу.

Образ самодержавия Мережковский раскрывает и через изображение придворных, занимающих высокие должности. Условно их можно разделить на две группы. С одной стороны, это вельможи екатерининской эпохи, «дряхлые тени», деятельность которых не может способствовать развитию России, ее движению вперед. Вот как Мережковский описывает тех из них, кто помогает управлять страной: «А в самом темном углу сидели молча, не двигаясь, как три изваяния безжизненные, три вставшие из гроба покойника, — семидесятилетний министр внутренних дел Ланской, восьмидесятилетний министр просвещения Шишков и генерал Аракчеев, казавшийся вечным, без возраста» [2, 20]. Их образы характеризуют самодержавие как нежизнеспособную форму правления.

С другой стороны, им противопоставляется генерал-адъютант Бенкендорф — «...весь легкий, летящий, порхающий; казалось, что на руках и ногах его — крылышки, как у бога Меркурия. Гладкий, чистый, вымытый, выбритый, блестящий, как новой чеканки монета. Молодой среди старых, живой среди мертвых. И, глядя на него, все поняли, что старое кончено, начинается новое» [2, 25]. Однако «новое» не значит — лучше старого. Мы видим, что энергия Бенкендорфа направлена на то, чтобы войти в полное доверие к Николаю, что-

бы тот видел в нем единственного человека, на которого можно опереться. Для этого он играет роль преданного и заботливого друга, оговаривает перед императором Милорадовича, Сперанского, Мордвинова, якобы принадлежащих к организации заговорщиков, и др. Бенкендорф показан хитрым, стремящимся благодаря своему умению оказывать влияние на Николая управлять страной. После восстания 14 декабря Николай искал у него поддержки, успокоения, «но тот как будто нарочно запугивал, оплетал липкой сетью страха, как паук — муху паутиной» [2, 126], и, наконец, «понял, что дело сделано: из паутины муха не выбьется. Аракчеев был — Бенкендорф будет» [2, 127]. Таким образом, Мережковский показывает произвол, который порождает самодержавие, что фактически управлять страной будет не Николай, а Бенкендорф, который еще безнравственнее, а значит, опаснее.

Поскольку самодержцем становится все-таки Николай, автор раскрывает более полно свой взгляд на единовластие через его образ. С императором мы встречаемся всего лишь в нескольких эпизодах, основное же внимание писателя обращено к декабристам, многие из которых являются выразителями авторских идей. Неотъемлемой характеристикой образа у Мережковского является его описание. В описании Николая нет той двоякости, которая присутствует в описании Петра I, Александра I, скорее, здесь выражена в большей степени авторская ирония: «Несмотря на двадцать семь лет, все еще худ худобой почти мальчишеской. Длинный, тонкий, гибкий, как ивовый прут. Узкое лицо, все в профиль. Черты необыкновенно правильные, как из мрамора высеченные, но неподвижные, застывшие <...> Жидкие, слабо вьющиеся, рыжевато-белокурые волосы; такие же бачки на впалых щеках; впалые, темные, большие глаза; загнутый, с горбинкой нос; быстро бегающий назад, точно срезанный, лоб; выдающаяся вперед нижняя челюсть. Такое выражение лица, как будто вечно не в духе: на что-то сердится, или болят зубы» [2, 25].

В Николае мы уже почти не встречаем внутренней борьбы, борьбы добра и зла, Христа и Антихриста (которая так характерна для героев Мережковского). Единственным проявлением его души во всем романе, которое несколько напоминает эту борьбу, является момент, когда он приказывает стрелять по восставшим (однако первый выстрел должен быть вверх, и затем он несколько раз отменяет свои приказы стрелять) и думает о том, что восставшие — русский народ, его дитя, его сын Саша. Тем не менее и в

этот момент автор называет его «боязливым убийцей», который «заносит нож не для того, чтобы ударить, а чтобы только попробовать» [2, 114]. Однако дальнейшее поведение царя сводит на нет все его переживания. Стоило сделать первый выстрел, и его нельзя уже было остановить, он как будто вошел в азарт, обезумел, как будто ему нравилось видеть смерть людей, чувствовать свою силу и власть над ними, «как будто утолял жажду неутолимую, и огненный напиток разливался по жилам так упоительно, как еще никогда» [2, 116]. Не остановило его и то, что уже после первого выстрела лишь «маленькая кучка» двинулась в атаку, остальные же в страхе и панике начали разбегаться. Причем автор обращает свое внимание на то, что Николай начал свое правление с кровопролития, чем еще более усиливает негативную характеристику образа царя.

Николай верил в Бога, но эта вера — не в сердце, не в душе, а внешняя, похожая на привычку, которую привили с детства: «Верил в Бога, но, когда думал о Нем, представлялась черная дыра, «где строго и жучковато», как император Павел I говорил о дисциплине в русской армии. Сколько ни молись, ни зови, — никто из дыры не откликнется» [2, 27].

На протяжении всего романа Мережковским подчеркивается, пожалуй, самая яркая черта Николая I — его актерство. Государь каждый раз, в зависимости от ситуации, мастерски меняет свои маски. Автор отмечает, что «... выражения лица его менялись мгновенно, внезапно до странности, как будто снимались и надевались маски. «Множество масок, но нет лица», — сказал о нем кто-то» [2, 32]: «вместо грозной — чувствительная» [2, 134], «... одна маска упала, другая наделась — грозная, гневная, бледная, как из мрамора высеченная: Аполлон Бельведерский, Пифона сражающий» [2, 172]. Николай примеривает их перед своими собеседниками, как перед зеркалом. Мережковский постоянно подчеркивает актерство, бутафорство, фальшь такими характеристиками государя, как: «Все время фальшивил, как певец, спавший с голоса, или актер, не выучивший роли» [2, 91]; «Рыцарь без страха и упрека — вот роль, которую надо было сыграть» [2, 91]; «Опять забыл роль, боялся сфальшивить» [2, 104]; «Опять вошел в роль и знал, что уже не собьется; опять пристала личина к лицу — и уже не спадет» [2, 120] и т.д. Особенно удачно у него получилось сыграть роль сыщика в деле о декабристах, и Николай был горд сам собой. Он подбирал подход к каждому декабристу, знал, где и как себя надо повести, знал

самые уязвимые их места. Не случайно на первом допросе Рылеев увидел в нем «искушающего дьявола» [2, 149].

Однако приближенные Николая, зная его с этой стороны, относились к нему с пренебрежением, поскольку они чувствовали и видели его неискренность, лицемерие, наигранность поведения. Например, когда государь говорил Толю о декабристах, о том, что их нужно спасти, а не губить, Толь, слушая его со скукой, с отвращением подумал, что государь сейчас расплчется. Даже гнев, который придает уверенность самому царю, не придает ему любви и уважения со стороны приближенных. Так, когда Николаем овладел очередной «восторг бешенства» [2, 37], Милорадович, глядя на царя, с отвращением подумал, что он может в таком состоянии броситься на него, как помешанный, который не ударит, а скорее укусит. В обоих случаях герои противопоставлены Николаю: Милорадович кажется «большим добрым псом» на фоне «маленького злого насекомого — паука или сороконожки» — государя, а Толь слушал лживые слова государя «... с терпеливой скукой на грубоватом, жестком и плоском, но честном, открытом лице старого прусского унтера» [2, 129]. Автор тем самым еще резче выделяет отрицательные черты самодержца.

Николай показан Мережковским человеком беспомощным, нерешительным, «самозванцем», «императором-высочкой». Однако Николай Павлович всегда пытается оправдаться тем, что не готовился стать царем, считал себя невинной жертвой воли брата Константина, постоянно жалеет себя — на протяжении всего романа он повторяет одни и те же слова в свой адрес: «*Pauvre diable!* Бедный малый! Бедный Никс!» [2, 28], оправдывает себя и после усмирения насильственным путем бунта. «Да, Божьей милостью император самодержец Всероссийский! Что дал мне Бог, ни один человек у меня не отнимет», — подумал государь и

поверил окончательно, что все как следует» [2, 121]. И опять для преодоления чувства своей не состоятельности Николаю приходит на помощь его актерство. Единственный способ для царя побороть в себе неуверенность, показать окружающим, что он настоящий государь, а не самозванец, — это гнев, именно в нем он всегда искал силу, а значит, и спасение. Например, после известия о начале бунта он постоянно на всех кричал и хотя знал, что сердиться не за что, но сдерживать себя не мог: «Точно огненный напиток разлился по жилам, согревающий, укрепляющий <...> Опять — рыцарь без страха и упрека; самодержец, а не самозванец. Понял, что спасен, только бы рассердиться как следует» [2, 94]. По мысли О.Н. Михайлова, для Николая I, по сути, характерно проявление только двух психологических состояний: «растерянность, почти детская, когда хочется спрятать голову под подушку, и гнев, кипятик, вырывающийся в поток грубости и истинно Павловской жестокости» [5, 5].

Таким образом, осознав демоническую сущность самодержавия, Мережковский пытается выразить это не только в публицистических статьях, но и в художественных текстах. После Петра в России начинается «эпоха победившего Зверя, Антихриста, внедрившая в государственный механизм общую идею принуждения, насилия и военизированной регламентации» [3, 832], поэтому образ самодержавия и образ самодержца Николая I в романе «14 декабря» показан писателем однозначно отрицательно. Недаром уже первый день его царствования начинается с кровопролития. Этим автор подтверждает свое неприятие самодержавия как формы правления, т.к. считает, что «самодержавие — от Антихриста» [1, 338], именно оно является «<...> главным виновником укоренившейся во всех сферах русской жизни бездуховности» [7, 71]; а следовательно, и того, кто стоит во главе этого «царства».

Библиографический список

1. Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — М.: Советский писатель, 1991.
2. Мережковский Д.С. 14 декабря // Мережковский Д.С. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. — М.: Правда, 1990.
3. Бойчук А.Г. Дмитрий Мережковский // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Под ред. В.А. Келдыша. В 2 кн. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000.
4. Дронова Т.И. Трилогия Д.С. Мережковского «Царство Зверя»: откровение о судьбе России // Творчество В.Я. Шишкова. Материалы научной конференции. — Тверь, 1999.
5. Михайлов О.Н. О Д.С. Мережковском и этой книге // Мережковский Д.С. 14 декабря. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Воспоминания. — М., 1991.
6. Михеичева Е.А. Ситуация в русской литературе // Русская и зарубежная литература конца XIX — начала XX века: основные течения. Ч. 1. — Орёл, 1998.

7. Царёва Н.А. Религиозно-философская историософия Дм. Мережковского // Н.А. Царёва. Русский символизм: основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого). — Владивосток: Изд. ВГУЭС, 2005.
8. Черников А.П. Серебряный век русской литературы. — Калуга: Изд. «Гриф», 1998.

I.A. BILIBINA

**THE CONCEPT OF THE AUTOCRACY IN THE NOVEL OF D.S. MEREZHKOVSKY
«THE 14TH OF DECEMBER»**

The aim of this investigation is consideration of one of the historico-philosophical conception's problems in D.S. Merezhkovsky's novel «The 14th of December». This is the autocracy's concept which is incarnated represented in the final part of the trilogy «The reign of the beast».

The autocracy's negative sides and its helplessness are illustrate with courts' characters, the characters of two grand dukes Konstantin and Nikolai. The author's special attention is devoted to Nikolai as a new autocrat.

Key words: D.S. Merezhkovsky, historic philosophical conception, the problem of autocracy, «The 14th of December», the image of Nikolai I.